

ВЕСЬ НИРО ВУЛФ

РЕКС СТАУТ

ГДЕ ЦЕЗАРЬ КРОВЬЮ ИСТЕКАЛ

Рекс Стаут
Где Цезарь кровью истекал
Серия «Ниро Вульф», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122621

Аннотация

Страсти разгораются вокруг бесценного племенного быка, которого хозяин собирается продать на мясо... Трудные и запутанные дела не под силу полиции, но если за них берутся Ниро Вулф и Арчи Гудвин, никому не уйти от ответа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рекс Стаут

Где Цезарь кровью истекал

Глава 1

Этот солнечный сентябрьский день оказался полон неожиданностей.

Первая из них произошла, когда я, мгновенно сообразив, что машина не перевернулась вверх тормашками, а все стекла целы, выключил зажигание и обернулся.

Я не ожидал, конечно, увидеть его на полу, потому что он всегда пристегивался ремнями, но был уверен, что мне предстоит выдержать его взгляд, преисполненный дикой ярости. Однако я увидел, что он совершенно спокойно сидит на своем месте и его круглое лицо выражает лишь облегчение, я бы даже сказал, умиротворенность. Я застыл от изумления.

– Слава Богу, – прошептал он.

– Я сказал: «Слава Богу».

Вульф отстегнул ремни и погрозил мне пальцем.

– Это все-таки произошло. Ты ведь знаешь мое недоверие к автомобилям. Я глубоко убежден, что они только делают вид, будто подчиняются управлению, но рано или поздно начинают вести себя согласно своим капризам. Так оно и вышло. Но мы уцелели. Слава Богу, что на этот раз каприз оказался не смертельным.

– Какой там к черту каприз!

– Я сказал – каприз. Отправляйся!

– В каком смысле «отправляйся»?

– Я имею в виду – поехали дальше. Заводи эту чертову машину.

Я открыл дверцу и выбрался наружу – посмотреть, что произошло.

Полубовавшись зрелищем, которое предстало передо мной, я распахнул заднюю дверцу и доложил:

– Ничего себе каприз! Пожалуй, надо записать этот случай – впервые за девять лет, что я вожу ваши машины, мне пришлось остановиться не по собственному желанию. Вчера колесо было в полном порядке. Его или прокололи в гараже прошлой ночью, или я сам это сделал, хотя последнее маловероятно. Во всяком случае, мы ехали со скоростью пятьдесят пять миль, когда это случилось. Машина съехала с дороги, и все было бы нормально, не окажись тут это проклятое дерево. А теперь вот бампер погнут, капот помят, радиатор течет...

– Сколько тебе понадобится времени на ремонт?

– Нисколько. Легче восстановить Помпею.

– Кто же отремонтирует машину?

– Механики в гараже.

– Но ведь мы не в гараже.

Вульф закрыл глаза. Спустя несколько мгновений он открыл их и спросил со вздохом:

– Где мы?

– В двухстах тридцати семи милях к северо-востоку от Таймс-сквер. В восемнадцати милях к юго-западу от Кроуфилда, где ежегодно проходит Североатлантическая ярмарка, которая открывается во второй понедельник сентября и продолжается...

– Перестань паясничать, Арчи. – Он посмотрел на меня с упреком. – Что мы теперь будем делать?

Признаться, я был растроган. Сам Ниро Вульф спрашивал меня, что нам делать!

– Не знаю, как вы, – сказал я ему, – но я собираюсь покончить жизнь самоубийством. На днях я вычитал в газете, что японцы всегда так поступают, когда подводят своего импе-

ратора. А чем я хуже какого-нибудь японца? У них это называется сеппуку. Не харакири, как вы могли бы подумать, так они крайне редко говорят, – а именно сеппуку.

– Что же нам теперь делать? – терпеливо повторил он.

– Остановим попутную машину и попросим подвезти. Желательно до Кроуфилда, где для нас оставлен номер в отеле.

– Ты поведешь ее?

– Кого?

– Машину, которую мы остановим.

– Я не уверен, что ее владелец доверит мне свою машину, увидев, что случилось с нашей. Вульф поджал губы.

– Я не поеду с чужим водителем.

– Тогда я отправлюсь в Кроуфилд один, возьму напрокат машину и вернусь за вами.

– Нет. Это займет два часа.

Я пожал плечами.

– По дороге, примерно в миле отсюда, мы проехали мимо дома. Могу прогуляться туда и позвонить в Кроуфилд, чтобы за вами приехали.

– А я останусь наедине с этой покалеченной тварью?

– Совершенно верно.

Он отрицательно покачал головой.

– Вы не согласны?

– Нет.

Я отошел в сторонку, чтобы окинуть взглядом окрестности. Стоял прекрасный сентябрьский день, и окружающие нас холмы и ложбины уютно дремали на солнце. С тех пор как я съехал с дороги и врезался в дерево, по ней еще не прошла ни одна машина. Впереди, ярдах в ста, дорога сворачивала и исчезала за деревьями. Дом, который мы проехали, виден не был. Вдоль дороги тянулся белый дощатый забор, а за ним – зеленое пастбище. За пастбищем, между деревьями, виднелась крыша какого-то здания. Никакой дороги туда не было видно, и я решил, что она должна находиться впереди, за поворотом.

Вульф поинтересовался, какого черта я стою, и мне пришлось вернуться к машине.

– Гаража нигде не видать, – сказал я, – но вон там, среди деревьев, стоит дом. По дороге до него не меньше мили, но если пойти напрямик через пастбище, можно выгадать ярдов шестьсот. Если вы боитесь остаться возле машины, то остаться могу я – у меня есть оружие. А вы можете пойти позвонить. Ближе домов нет.

Вдали послышался собачий лай.

Вульф взглянул на меня.

– Там же собака!

– Вы угадали, сэр.

– Возможно, она из этого дома. Я не расположен сражаться со спущенным с цепи псом. Мы отправимся вдвоем. Только через забор я не полезу.

– Вам и не придется. Там есть ворота.

Он тяжело вздохнул и нагнулся к корзинам, одна из которых стояла на полу, а другая – на сиденье машины. В них были горшочки с орхидеями. Цветы от каприза машины не пострадали. Затем Вульф начал вылезать из автомобиля, и я посторонился, чтобы освободить для него пространство, которого ему требовалось не так мало. Выбравшись на волю, Вульф потянулся, едва не проткнув своей тростью небо, хмуро обвел взглядом окрестности и вслед за мной направился к воротам.

Мы были уже на пастбище, и я закрывал за собой ворота, когда со стороны дома до меня донеслись крики. Я обернулся и увидел какого-то типа, сидевшего верхом на заборе. Он орал, чтобы мы уходили. На таком расстоянии я не мог с уверенностью судить, что у

него в руках – дробовик или винтовка. Он еще не целился в нас, но уже по меньшей мере грозил, потрясая оружием. Пока я закрывал ворота, Вульф успел уйти вперед. Я подбежал и схватил его за рукав.

– Стойте! Если там сумасшедший дом, а перед нами один из его обитателей, то он может принять нас за сурков или диких индеек и...

Вульф возмущенно фыркнул.

– Это просто какой-то болван. Мы же находимся на коровьем выгоне.

Будучи истинным детективом, он поспешил представить вещественные доказательства, для чего ткнул тростью в направлении коричневой кучи у наших ног. Затем взглянул на сидевший на заборе источник угроз, громко велел ему замолчать и двинулся дальше. Я последовал за Вульфом. Парень продолжал вопить, но мы упорно продвигались вперед.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше, потому что дробовик, который я разглядел-таки в руках у этого психа, вполне мог попортить нам шкуры.

Посреди пастбища возвышался довольно крупный валун, и мы находились уже поблизости от него, когда произошла еще одна неожиданность.

Мое внимание было полностью поглощено психом с дробовиком, который торчал на своем насесте и орал еще громче, чем раньше, как вдруг я почувствовал, что пальцы Ниро Вульфа сжали мой локоть, и тут же прозвучала его команда:

– Стой! Не шевелись!

Я замер на месте. Вульф, не поворачиваясь в мою сторону, сквозь зубы произнес:

– Стой абсолютно неподвижно. Медленно, очень медленно поверни голову направо.

Я решил было, что Вульф тоже спятил, но тем не менее поступил, как мне было приказано. Тут-то меня и ждал сюрприз. Справа, футах в двухстах, я увидел громадного быка – раньше я ни за что не поверил бы, что быки могут достигать таких колоссальных размеров. Красно-рыжий, с белыми пятнами и большим белым треугольником на морде, бык неторопливо и уверенно приближался к нам, время от времени потряхивая головой, то ли потому, что нервничал, то ли пытаясь отогнать назойливых мух. Внезапно он остановился и, вытянув шею, принялся нас разглядывать.

Сзади послышался приглушенный голос Вульфа:

– Хоть бы тот болван перестал орать. Тебе что-нибудь известно о повадках этих животных? Ты видел бой быков?

Я пошевелил губами ровно настолько, чтобы выдать:

– Нет, сэр.

– Стой спокойно, – пробормотал Вульф. – Ты шевельнул пальцем, и у быка тут же напряглась шея. Ты быстро бегаешь?

– Думаю, что до забора добежать успею. Но вам это не удастся.

– Я и сам знаю. Еще лет двадцать назад я занимался спортом... Он уже роет землю копытами. И голова опущена. Если он на нас ринется... И еще эти идиотские вопли. Потихоньку отходи назад. Смотри прямо на него. Он последует за тобой. Когда он бросится – поворачивайся и беги к забору.

Я так и не успел выполнить эти наставления. Ни я, ни Вульф не двигались с места, поэтому, наверное, быка раздражил наш приятель на заборе. Может быть, он даже спрыгнул на землю. Как бы то ни было, бык напряг шею и перешел к активным действиям. Даже если объектом атаки был тот псих, нам от этого легче не стало, поскольку мы находились как раз между ними.

Бык надвигался на нас, как таран. Возможно, стой мы спокойно, он бы проскочил футах в трех правее, но стоять спокойно, когда на тебя несется разъяренное чудовище, выше человеческих сил. Вспоминая об этом теперь, я придерживаюсь мнения, что своим бегством решил отвлечь быка от Ниро Вульфа, но, сказать по правде, тогда я об этом и не помышлял. Я

слышал за спиной топот копыт и готов поклясться, что ощущал на спине горячее дыхание. В то же время я услышал впереди какой-то шум и смутно различил красное пятно над забором – там, где я надеялся через него перемахнуть. Вот и забор. Даже не пытаюсь притормозить, я с ходу взлетел на него, но когда мое тело уже готово было грациозно перелететь на другую сторону, одна рука вдруг сорвалась, и плашмя повалился на землю. Я сел, тяжело отдуваясь, и услышал прямо на собой голос:

– Изумительно! Какое счастье, что я не упустила такое зрелище!

Я поднял глаза и увидел двух девушек. Одна была в белом платье и красном жакете, другая – в желтой кофточке и брюках.

– Прикажете повторить? – прорычал я.

Тот идиот с дробовиком бежал ко мне вприпрыжку, что-то несвязно выкрикивая. Я велел ему заткнуться, с трудом поднялся, хромая, подошел к забору – приземляясь, я сильно ушиб колено – и заглянул через него. Бык прогуливался ярдах в ста от меня, время от времени мотая головой. А посреди пастбища возвышался величественный монумент. Это был Ниро Вульф, со скрещенными на груди руками, стоявший на большом валуне. Я впервые видел его в такой позе и не мог отвести глаз, настолько торжественно и волнующе все это выглядело.

– Все в порядке, шеф? – крикнул я.

– Скажи этому парню с ружьем, – отозвался Вульф, – чтобы он загнал быка в стойло! И передай, что я еще с ним поговорю, когда он уйдет отсюда!

Я оглянулся. Парень меньше всего на свете был похож на ковбоя.

Он выглядел жалким и испуганным. Даже лицо у него, со свернутым набок носом, было какое-то потрепанное. Тем не менее он напустился на меня:

– Откуда вы взялись? Почему не повернули обратно, когда я вам кричал? Какого черта...

– Попридержи язык, красавец. Мы представимся потом. Ты можешь загнать быка в стойло?

– Нет. И я хочу сказать...

– А кто может?

– Никто. Все на ярмарке. Через час, наверное, вернутся. И ж хочу сказать...

– Потом скажешь. Ты хочешь, чтобы он целый час простоя на том валуне со скрещенными на груди руками?

– Он может сесть, в конце концов. Только пусть сию минуту уберется оттуда! Я охраняю быка.

– От кого? Уж не от меня ли?

– От кого угодно. Слушайте, если вы думаете, что это смешно...

Я повернулся к нему спиной и закричал Ниро Вульфу:

– Он охраняет быка! Требуется, чтобы вы немедленно оттуда убрались! Он не может загнать быка, а те, кто могут, будут здесь через час.

– Арчи! – прогремел Вульф. – Когда я...

– Да нет же, ей-богу, я говорю правду! Мне этот бык нравится не больше, чем вам.

Воцарилось молчание. Затем с валуна послышалось:

– Значит, только через час?

– Так он говорит.

– Тогда тебе придется это сделать самому! Ты меня слышишь?

– Да.

– Вот и прекрасно. Лезь обратно и отвлекай быка. Прогуливайся перед забором. Там, кажется, была какая-то женщина в красном?

Я оглянулся по сторонам.

– Видимо, уже ушла.

– Разыщи ее и одолжи эту красную штуку. Когда бык кинется на тебя, прыгай через забор. Повтори так несколько раз, продвигаясь на тот конец пастбища. Задержи его там, пока я не выберусь отсюда. Только пусть ему все время кажется, что он вот-вот до тебя доберется.

– Ладно.

– Что?

– Я сказал: «Ладно!»

– Хорошо. Приступай. Будь осторожен, не упади. Трава скользкая.

Когда я спросил девушку, не повторить ли для нее мой трюк, я подумал, что остроумно пошутил, но теперь... Ее нигде не было видно.

Вторая, та, что в брючках, сидела на заборе. Я уже открыл рот, чтобы навести справки, как ответ прибыл сам, причем с другой стороны.

Откуда-то из-за деревьев вынырнула машина с откидным верхом и остановилась перед воротами. Из машины высунулась девушка в красном и крикнула мне:

– Идите сюда и откройте ворота!

Я, прихрамывая, направился к ней, но парень с ружьем опередил меня, прыгая, словно гибрид козла и кенгуру. Когда я догнал его, он стоял возле машины, размахивая дробовиком, и декламировал законы про быков и про ворота.

Девушка убеждала его:

– Не упрямясь, Дейв. Не оставлять же его там! – Она повернулась ко мне. – Откройте ворота и, если хотите, залезайте в машину. Дейв закроет их за нами.

Но Дейв завизжал, как полоумный:

– Оставьте ворота в покое! Клянусь Богом, я буду стрелять! Мистер Пратт приказал стрелять, если кто-нибудь полезет на пастбище!

– Чушь, – сказала девушка. – Ты уже нарушил его приказание. Почему ты не стрелял раньше? И теперь почему не стреляешь? Стреляй, сними его с валуна. Посмотрим, как ты это сделаешь. Ну как, хотите спасти своего приятеля или нет? – обратилась она ко мне.

Я поспешил отодвинуть засов и распахнул ворота. Бык сразу развернулся в нашу сторону, наклонив голову набок. Дейв изрыгал угрозы и размахивал ружьем, но мы не обращали на него внимания.

Когда машина въехала на пастбище, я быстро забрался в нее, и девушка приказала Дейву закрыть ворота. Бык уже принял угрожающую позу и начал рыть копытами землю. Куски дерна так и летели ему под брюхо.

Тут я сказал:

– Подождите-ка, вы думаете, из этого что-нибудь выйдет?

– Не знаю. Попробуем. Или вы боитесь?

– Боюсь. Снимите эту красную штуку.

– Ну, это уж предрассудки!

– А я суеверный. Снимите.

Я помог девушке снять жакет и положил его на сиденье между нами.

Затем я полез под пиджак и вынул из кобуры пистолет. Девушка посмотрела на меня.

– Вы что, сыщик? Не валяйте дурака. Или вы надеетесь остановить быка с помощью этой штуки?

– Попытаюсь.

– На вашем месте я не стала бы этого делать, если вы, конечно, не готовы выложить сорок пять тысяч.

– Что выложить?

– Сорок пять тысяч долларов. Это не простой бык, это Гикори Цезарь Гринден. Так что спрячьте ваш пистолет.

Я глядел на нее несколько мгновений, а потом сказал:

– Уезжайте-ка вы лучше отсюда. А я последую инструкции и заманю быка в дальний конец пастбища.

– Нет. – Она нажала на газ. – Мне тоже хочется острых ощущений!

Нас трясло и болтало из стороны в сторону.

– С какой скоростью мне лучше ехать? Никогда еще никому не спасала жизнь. Кажется, для начала я выбрала довольно странного субъекта.

Бык изображал из себя коня-качалку. Он взбрыкивал задними ногами и при этом опускал голову, а потом вставал на дыбы. При этом он пристально наблюдал за нами. Когда мы проезжали ярдах в тридцати от него, девушка сказала:

– Взгляните только, какой потрясающий бык!

В это время машина ухнула в какую-то яму, так что я чуть не вылетел наружу.

– Смотрите, куда едете, – рявкнул я, не отрывая взгляда от быка.

Он вполне мог подцепить машину на рога и понести ее с такой же легкостью и грацией, как индианки носят на кувшин. Мы подкатили к валуну. Девушка притормозила и зала нараспев:

– Такси вызывали?

Я выскочил из машины и открыл Вульф дверцу. Я не предложил поддержать его под локоть, так как по выражению его лица понял, что это было бы равносильно попытке поджечь бочку с порохом. Он уже стоял на нижнем уступе валуна на одном уровне с подножкой автомобиля.

– Доктор Ливингстон, я полагаю? – спросила девушка.

Губы Вульфа чуть заметно дрогнули.

– А вы – мисс Стэнли? Очень рад познакомиться. Меня зовут Ниро Вульф.

Ее глаза расширились от изумления.

– Боже всемогущий! Тот самый Ниро Вульф?

– Не знаю... Я – тот, который указан в Манхэттенском телефонном справочнике.

– Выходит, я и впрямь выбрала для начала довольно странную личность. Садитесь скорей!

С ворчанием взгромоздившись на сиденье, он изрек:

– Машину очень трясет. Я не люблю тряски.

Она рассмеялась.

– Постараюсь ехать поаккуратней. Все же, я думаю, это лучше, чем трястись на рогах у быка.

Я заметил, что у нее довольно сильные пальцы, и теперь, когда она сняла жакет, было видно, как играют мышцы ее обнаженных рук, когда она крутит баранку, объезжая ухабы и рытвины. Я посмотрел на него. Ему уже надоело валять дурака, и все в его позе выражало величайшее презрение. Он выглядел даже более могучим, чем раньше.

Девушка тем временем говорила Вульф:

– Стэнли – это, конечно, хорошо, но меня зовут Каролина Пратт. О, извините, не заметила эту яму. Конечно, я не так знаменита, как вы, но два года я была чемпионкой столицы по гольфу. Здесь вообще собрались сплошные чемпионы. Вы – чемпион среди детективов, Гикори Цезарь Гринден – среди быков, я – чемпионка по гольфу...

«Так вот почему у нее сильные руки», – подумал я. Дейв тем временем открыл ворота и едва не прихлопнул нас, когда мы выезжали.

Каролина промчалась под развесистым дубом, нижние ветви которого чуть было не сбросили меня с сиденья, и остановилась перед большим новым зданием. Дейв вприпрыжку мчался за нами с дробовиком. Я выпрыгнул из машины на дорожку, посыпанную гравием. Чемпионка по гольфу осведомилась у Вульфа, не нужно ли его куда-нибудь подвезти, но он уже открыл дверцу и вытаскивал свою тушу из машины, посему и не удостоил девушку

ответом. Тут к нему подскочил Дейв и начал что-то громко спрашивать, но Вульф грозно взглянул на него.

– Известно ли вам, что вы подлежите судебному преследованию за попытку преднамеренного убийства? Я имею в виду не ружье, а то, что вы прыгнули с забора и раздражили быка, из-за чего он и напал на нас!

Вульф обогнул машину, подошел к своей спасительнице и раскланялся.

– Благодарю вас, мисс Пратт, за вашу находчивость.

– О, не стоит. Мне это доставило удовольствие.

Он поморщился.

– Это ваш бык?

– Нет, он принадлежит моему дяде, Томасу Пратту. Это его дом. Он скоро приедет. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезной? Может быть, вы желаете пива?

– Благодарю. Я думал, что мне уж никогда не придется пить пиво. Мы ведь попали в аварию. Мистер Гудвин не смог справиться с машиной... Прошу прощения, мисс Пратт, я забыл представить вам мистера Гудвина.

Она вежливо подала мне руку.

– Так вот, мистер Гудвин не смог справиться с машиной, – повторил Вульф, – и мы врезались в дерево. Потом он божился, что во всем виновата лопнувшая шина. Он же уговорил меня незаконно пересечь ваше пастбище. Хорошо еще, что я первым заметил быка. Мистер Гудвин проявил полное незнание повадок этих животных...

Еще подъезжая к валуну, я по выражению лица Вульфа понял, что он будет вести себя, как мальчишка, но не думал, что это произойдет на людях. Я бесцеремонно вмешался.

– Можно мне воспользоваться телефоном?

– О, вы перебили мистера Вульфа, – упрекнула меня Каролина. – Если он хочет объяснить...

– Я провожу вас к телефону, – послышался голос позади меня. Я обернулся и увидел девушку в желтом. Она была на голову ниже меня, у нее были красивые светлые волосы и насмешливые синие глаза, и она улыбалась уголками рта.

– Пойдемте, Эскамильо, – позвала она.

– Премного благодарен, – ответил я, устремляясь за ней.

– Кстати, меня зовут Лили Роуэн, – поведала она по дороге.

– Чудесное имя, – я широко осклабился. – А я – Эскамильо Гудвин.

Глава 2

– Который час? – донесся из открытой двери голос Ниро Вульфа.

Взглянув на часы, лежащие на стеклянной полочке, я вышел из ванной, придерживая рукав рубашки, чтобы не запачкать его еще не высохшим йодом.

– Три двадцать шесть. Надеюсь, пиво вас немного подбодрит. А то, как видно, радость жизни в вас угасает, если вы даже не можете позволить себе достать часы из собственного кармана.

– Какая там радость жизни, – простонал он, – когда наша машина разбита вдребезги, а мои орхидеи в ней задыхаются...

– Они не задыхаются. Я не до конца поднял стекла. – Я посмотрел, высох ли йод, и опустил рукав. – А действительно, почему бы вам не радоваться жизни? Капот – всмятку, а мы целы. Бык до нас не добрался. Мы познакомились с чудесными людьми, которые приютили нас, дали прекрасную комнату с ванной, угостили холодным пивом, а меня персонально – йодом. Если же вы считаете, что я все-таки мог убедить ребят из Кроуфилдского гаража приехать за нами в самый разгар ярмарки, то попробуйте поговорить с ними сами. Они и вас сочтут за сумасшедшего. Вот-вот вернется мистер Пратт и отвезет нас в Кроуфилд вместе с багажом и цветами. Я звонил в отель, и мне обещали придержать наш номер до десяти часов вечера. Большого и ожидать нельзя. Там сейчас целые толпы народа из-за места в гостинице готовы вцепиться друг другу в глотки.

Застегнув рукав, я потянулся за пиджаком.

– Как пиво?

– Пиво хорошее.

Вульф нахмурился и пробормотал:

– Толпы народа...

Он осмотрелся по сторонам.

– Какая приятная комната... Просторная, светлая. Пожалуй, нужно сделать такие окна в моей комнате у нас дома. Когда, ты говорил, пришлют за нашей машиной?

– Завтра днем, – терпеливо повторил я.

– Завтра так завтра, – вздохнул он. – Раньше мне казалось, что я не люблю новые дома, но здесь очень приятно. Конечно, это заслуга архитектора. Знаешь, откуда взялись деньги на постройку дома? Мисс Пратт мне рассказала. Ее дядя – владелец нескольких сотен небольших ресторанчиков в Нью-Йорке. Он их называет праттериями. Видел их когда-нибудь?

– Естественно. – Я задрал штанину, разглядывая ушибленное колено. – Иногда в них обедаю.

– Да? И как еда?

Я пожал плечами.

В дверь постучали, и вошел какой-то тип с грязным лицом, в испачканных брюках и белоснежной накрахмаленной куртке. Он пробормотал, что приехал мистер Пратт и мы можем спуститься к нему, когда пожелаем. Вульф сказал, что мы скоро явимся, и тип ушел.

– Видимо, мистер Пратт – вдовец, – заметил я.

– Нет, – ответил Вульф, сделав попытку подняться. – Он никогда не был женат. Так сказала мисс Пратт. Ты не думаешь причесаться?

Нам пришлось пройти через весь дом, чтобы разыскать хозяев.

Сперва мы попали в столовую, оттуда в гостиную, потом еще в одну комнату с роялем и, наконец, наткнулись на них на террасе, укрытой от солнца навесом. Обе девушки сидели в дальнем углу с каким-то молодым человеком, потягивая коктейли. Ближе к нам, за столом, двое мужчин оживленно разговаривали, тыча пальцами в какие-то бумаги.

Один из них, молодой и прилизанный, походил на маклера. У другого, довольно пожилого, были темные, седеющие волосы, узкий лоб и квадратная челюсть. Подойдя к ним, Вульф остановился. Пожилой мужчина нахмурился и сказал:

– А, это вы!

– Мистер Пратт? – Вульф слегка поклонился. – Я – Ниро Вульф.

Молодой человек встал. Пожилой по-прежнему хмурился.

– Знаю. Племянница мне говорила. Я, конечно, слышал о вас, но, будь вы хоть президент Соединенных Штатов, вы не имели права находиться на моем пастбище после того, как вам велели его покинуть. Что вам там понадобилось?

– Ничего.

– Зачем же вы туда забрались?

Вульф поджал губы, а затем спросил:

– Ваша племянница рассказала вам, что с нами произошло?

– Да.

– Вы считаете, она вам солгала?

– Почему? Конечно, нет.

– Значит, вы думаете, что я солгал?

– Нет, – растерялся Пратт.

Вульф пожал плечами.

– Тогда мне остается только поблагодарить вас за оказанное гостеприимство – за телефон, пристанище, напитки. Особенно мне понравилось пиво. Ваша племянница любезно предложила отвезти нас в Кроуфилд... Вы позволите?

– Не возражаю.

Он все еще хмурился. Затем скрестил руки на груди и сказал:

– Нет, мистер Вульф, я ни в коем случае не считаю, что вы солгали, но тем не менее хотел бы кое-что выяснить. Сами понимаете, ведь вы детектив, и вас могли нанять... Они на все могут пойти. Меня уже замучили до смерти. Сегодня я ездил с племянником в Кроуфилд на ярмарку, и меня буквально выкурили оттуда. Пришлось уехать, чтобы от них избавиться. Я спрашиваю вас: вы пошли через пастбище, потому что знали, что бык там?

– Опомнитесь, сэр! – вознегодовал Вульф.

– Вы приехали сюда из-за быка?

– Нет! Я приехал выставить свои орхидеи на ярмарке.

– Значит, вы выбрали мое пастбище случайно?

– Мы его не выбирали. Все дело исключительно в геометрии. Через пастбище – кратчайший путь к дому. Так нам казалось, – горестно добавил Вульф.

Пратт кивнул. Он посмотрел на часы, встал и повернулся к молодому человеку, складывавшему бумаги в портфель.

– Ладно, Пейви, поезжай шестичасовым поездом. Передай Джеймсону, чтобы он ни в коем случае не спускал цену ниже двадцати восьми долларов. С прошлого года аппетит у людей не ухудшился. Только запомни – никаких пирогов... – Он еще говорил что-то о ценах на блюда, о каких-то новых контрактах в Бруклине, а напоследок крикнул уже вдогонку Пейви, почем следует закупать салат. Затем наш хозяин вдруг спросил Вульфа, не хочет ли тот выпить чего-нибудь крепкого.

Вульф ответил, что он предпочитает пиво, но мистер Гудвин, без сомнения, не откажется от чего-нибудь покрепче. Пратт что было мочи заорал: «Берт!» На его крик откуда-то вынырнул грязнолицый и принял заказы. Когда мы расселись, трио из угла террасы присоединилось к нам со своими бокалами.

– Ты позволишь? – обратилась мисс Пратт к своему дяде. – Джимми мечтает познакомиться с нашими гостями. Мистер Вульф, мистер Гудвин, а это мой брат Джим.

Я учтиво привстал и понял, что Вульф затеял какую-то отчаянную игру, так как вместо того, чтобы извиниться, как обычно, за то, что не отрывает свою многопудовую тушу от стула, он поднялся во весь рост. Затем мы все сели, а блондинка Лили раскинулась в кресле-качалке с таким расчетом, чтобы мне лучше были видны очертания ее ножек.

– Я, конечно, слышал о вас, – сказал Пратт Вульфу. – Мой друг, Пит Хатчинсон, рассказывал, как вы несколько лет назад отказались вести расследование по делу о его разводе.

– Я стараюсь не братья за дела семейного характера, – кивнул Вульф.

– Поступай, как тебе нравится, – вот мой девиз, – изрек Пратт, отхлебнув глоток из бокала. – Это ваш бизнес, и вы вправе действовать, как хотите. Насколько мне известно, вы любите вкусно поесть. Мой бизнес – как раз питание, а точнее – массовое питание. На прошлой неделе мы ежедневно продавали в Нью-Йорке в среднем сорок три тысячи обедов. Я вот к чему клоню – сколько раз вы обедали в моих праттериях?

– Я?... – Вульф задержал дыхание, наливая себе пива. – Ни разу.

– Ни разу?

– Я всегда обедаю дома.

– Вот как... – Пратт не мог отвести взгляд от Вульфа. – Конечно, иногда можно и дома неплохо поесть. Но лучше все же... Мое имя прогремело, когда я пригласил в праттерию и накормил пятьдесят представителей высшего света. Видели бы вы, как они восхищались. Своего успеха я достиг благодаря, во-первых, качеству, а, во-вторых, рекламе. – Он поднял два пальца.

– Всепобеждающее сочетание, – пробормотал Вульф. Мне захотелось лягнуть его под стол. Что это он вздумал лизать пятки этой деревенщине? Но он не остановился даже на этом. – Ваша племянница немного рассказала мне о вашей феноменальной карьере.

– В самом деле? – Пратт взглянул на нее. – У тебя пустой бокал, Каролина.

Он повернул голову и громко позвал Берта. Затем вновь обратился к Вульфу.

– Что ж, она неплохо разбирается в моих делах. Два года работала у меня. Она увлеклась гольфом, что-то у нее начало получаться, и я решил, что племянница-чемпионка послужила бы мне неплохой рекламой. Так оно и вышло. Этим она принесла мне куда больше пользы, чем сидя у меня в конторе. Ее братцу до нее далеко. Единственный мой племянник, а ни на что не годится. Верно, Джимми?

Юноша улыбнулся.

– Совершенно верно.

– Сам-то ты, конечно, думаешь иначе. Я продолжаю тратить на тебя только потому, что твои родители умерли, когда ты был еще ребенком. Это, пожалуй, моя единственная слабость. А стоит мне подумать, что после моей смерти все перейдет тебе и твоей сестре, больше ведь некому, и я начинаю мечтать о бессмертии. Ведь если представить, как вы распорядитесь моими деньгами... Позвольте спросить, мистер Вульф, вам нравится мой дом?

– Очень нравится.

Джимми фыркнул.

Не обращая на него внимания, Пратт косо поглядел на Вульфа.

– В самом деле? Его выстроил мой племянник. Дом был закончен только в прошлом году. Я-то сам здешний, родился на этом самом месте, в старой хибарке. И как только это удалось Джимми...

Он продолжал разглагольствовать, а Вульф пока что откупорил еще одну бутылку пива. Да и я не терял времени даром, так как, слава Богу, пил не виски в праттерии. Я уже расправился со вторым коктейлем, устроившись так, чтобы было удобнее поглядывать на блондинку, и вовсе перестал обращать внимание на Пратта, размышляя, что ценнее в девушках – привлекательная внешность или умение спасти человека от бычьих рогов. Но течение моих мыслей было самым бесцеремонным образом прервано. Из-за дома появились четыре чело-

века и протопали на террасу. Вспомнив слова нашего хозяина о том, что его преследовали на ярмарке, и заметив недоброе выражение на лицах пришельцев, я машинально сунул руку за пистолетом, но вовремя спохватился и сделал вид, что просто хотел почесаться.

Пратт вскочил и, наморщив узкий лоб, яростно уставился на вновь прибывших. Один из них, приземистый и жилистый, с острым носом и пронзительными глазками, выступил вперед.

– Ну, мистер Пратт, надеюсь, наше последнее предложение удовлетворит вас?

– Я уже говорил, что нынешнее положение меня вполне устраивает.

– А нас – нет. Позвольте объяснить, что мы...

– Вы зря теряете время, мистер Беннет. Я повторяю...

– Позвольте сказать мне! – перебил внушительный мужчина в отличном сером спортивном костюме и автомобильных перчатках – это в теплую-то погоду. – Вы Пратт? Лу Беннет втянул меня в это дело. Я тороплюсь в Кроуфилд, а оттуда в Нью-Йорк. Меня зовут Каллен.

– Дэниел Каллен, – услужливо добавил Беннет.

– О! – благоговейно произнес Пратт. – Это честь для меня, мистер Каллен. В моем скромном доме... Садитесь, пожалуйста. Выпьете что-нибудь? Джимми, принеси гостям стулья. Познакомьтесь с моей племянницей, мистер Каллен...

Он начал представлять всех друг другу. Оказалось, что Лу Беннет был секретарем Национальной лиги по разведению скота гернсейской породы. Долговязого мужчину с жидкими волосами и усталым лицом звали Монт Макмиллан. Дэниел Каллен нуждался в рекомендациях не больше, чем, скажем, Джон Морган. Четвертый гость, выглядевший еще более уставшим, чем Макмиллан, оказался председателем совета Североатлантической ярмарки по имени Сидни Дарт.

Берта отправили за выпивкой. Лили Роуэн подвинулась, и освободившееся возле нее место моментально оккупировал Джимми Пратт.

Было очевидно, что гости не вызывают у девушки симпатии.

Лу Беннет вновь заговорил:

– Мистер Каллен торопится. Мистер Пратт, я уверен, вы оцените то, что он, как и мы все, пытается сделать для вас. Вы не потеряете ни единого цента. Все будет в полном...

– Да это же просто произвол! – взорвался Каллен, воззвись на Пратта. – Это можно пресечь в судебном порядке! Какого черта...

– Извините меня, – поспешно вставил Беннет, – но мы уже обсуждали этот вопрос с мистером Праттом, и он не разделяет нашей точки зрения. Слава Богу, что вы пришли к нам на помощь. – Он повернулся к Пратту. – Дело в том, что мистер Каллен великодушно согласился откупить у вас Гикори Цезаря Гриндена.

Пратт кашлянул, помолчал немного и спросил:

– А что он будет с ним делать?

Беннет казался шокированным.

– Он же владеет едва ли не лучшим в стране стадом гернсейской породы.

Каллен сердито взглянул на Пратта:

– Поймите, Пратт, мне бык не нужен. У моего лучшего производителя, Махуа Галанта Мастерсона, сорок три чистопородные телки. Еще три моих производителя сейчас проходят испытания. Я покупаю Цезаря исключительно в интересах нашего животноводства и Лиги по разведению гернсейского скота!

– Мистеру Каллену действительно не нужен ваш бык, – подхватил Беннет. – Он поступает очень благородно, но не согласен платить за быка всю ту сумму, которую вы уплатили Макмиллану. Я, конечно, понимаю, что бык теперь ваш, но согласитесь: сорок пять тысяч долларов – сумма несуразная. Даже Голдуотер Гранде был продан за тридцать три тысячи, а

Цезарю далеко до Гранде. Гранде – отец ста двадцати семи племенных телок и пятнадцати бычков.

Так что наши условия таковы: мистер Каллен платит вам тридцать три тысячи долларов, а Макмиллан возвращает двенадцать тысяч из суммы, которую вы ему заплатили. Так что вы получаете все ваши деньги назад. Мистер Каллен тут же выпишет вам чек и сегодня же вечером придет за Цезарем людей и фургон. Если бык не потерял формы, то мистер Каллен выставит его в четверг на ярмарке. Надеюсь, он здоров. Насколько мне известно, вы держите его на выгоне?

Пратт повернулся к Макмиллану.

– Вы меня уверяли, что полностью удовлетворены нашей сделкой и не станете способствовать каким-либо попыткам ее расторгнуть!

– Да, это так, – робко отозвался Макмиллан. – Но они меня убедили. К тому же ведь я старый гернсеец, мистер Пратт...

– Как вы смеете? – возмутился Каллен. – Вас следует исключить из Лиги гернсейцев! Вам нет прощения! Вы прекрасно знали, что станет с быком, если вы его продадите!

– Вам легко говорить, мистер Каллен, – устало кивнул Макмиллан. – Ваше состояние измеряется миллионами. У меня же из-за кризиса осталось только мое стадо. А тут еще сибирская язва... И что осталось? Четыре теленка, шесть коров, один бычок и Цезарь. Как мог я содержать Цезаря? Мне даже не на что было купить овса. Я не знал никого, кто бы дал за него приличную цену, и разослал телеграммы крупнейшим скотоводам, И что я получил в ответ? Все знали, в каком бедственном положении я нахожусь, но никто не предложил мне больше девяти тысяч. Девять тысяч за Гикори Цезаря Гриндена! А тут ко мне пришел мистер Пратт. Он откровенно сказал, для чего ему нужен Цезарь. Это было невероятно, и, чтобы избавиться от него, я заломил неслыханную цену – сорок пять тысяч!

Макмиллан приподнял бокал, посмотрел на него и поставил на место.

– Мистер Пратт тут же выписал чек... А ведь вы, мистер Каллен, не предложили мне и девяти тысяч. Насколько я помню, ваша цена была семь с половиной...

Каллен пожал плечами.

– Мне он был ни к чему. Теперь же вы все равно получите тридцать три тысячи, точнее, оставите их себе из денег, уплаченных Праттом. Можете еще считать, что вам повезло. С моей стороны это чистая благотворительность. Я беседовал по телефону со своим управляющим и не уверен, нужна ли мне в стаде линия Цезаря. У нас всегда были быки лучше Цезаря и всегда будут...

– Вот уже нет! – Голос Макмиллана задрожал от ярости. – Вы просто дилетант! Кто вы такой, чтобы высказываться о каком бы то ни было быке, о самой завалящей корове? Оставьте в покое Гикори Цезаря Гриндена! Цезарь был лучшим из племенных быков! Элита! Да, я сказал «был», так как он мне больше не принадлежит. Но он еще и не ваш, мистер Каллен. Он внук самого Берли Великого. У него были пятьдесят одна чистопородная телка и девять бычков. Я глаз не сомкнул в ту ночь, когда он появился на свет. Вот эти пальцы он сосал, когда ему было несколько часов от роду. – Он вытянул перед собой дрожащие руки. – Он получил девять главных призов на выставках, в последний раз в прошлом году в Индианаполисе. Двенадцать из его дочерей дают больше тринадцати тысяч фунтов молока и больше семисот фунтов масла каждая. А вы смеете утверждать, что он не нужен для вашего стада!

Надеюсь, Цезарь вам не достанется, черт побери! Во всяком случае, я пальцем не шевельну, чтобы вам помочь!

Он повернулся к Беннету:

– Мне самому пригодятся эти двенадцать тысяч, Лу. Я не желаю участвовать в вашей игре.

Что тогда началось! Беннет, Дарт и Каллен обрушились на Макмиллана. Понять, в чем тут дело, было трудно, ясно было только, что он обманул их, что на карту поставлен престиж Национальной лиги и всего американского животноводства, что случившееся подрывает авторитет ярмарки, что у Макмиллана останутся тридцать три тысячи долларов, и так далее. Макмиллан упрямо отмалчивался, хотя чувствовалось, как все это для него мучительно. Внезапный громкий возглас Пратта заставил всех замолчать.

– Оставьте его в покое! Он здесь ни при чем. Я не возьму никаких отступных. Мне нужен только бык, он уже мой, и у меня в сейфе хранится купчая. Вот и все.

Они устали на него.

– Но это невозможно, – залопотал Беннет. – Послушайте, я же объяснил...

– Я не отступлюсь от своих слов. – Пратт упрямо выдвинул челюсть. – Я заплатил хорошую цену за этого быка и удовлетворен сделкой. Приготовления к приему гостей уже идут...

– Но после того, что... – Беннет вскочил, яростно размахивая руками, и я решил, что мне все-таки придется доставать пистолет.

– Вы не смеете так поступить! – вопил он. – И вы этого не сделаете! Вы сумасшедший, если считаете, что это вам удастся, и я сделаю все, чтобы вам помешать! В Кроуфилде меня ждут двенадцать членов совета Лиги, и вы увидите, что будет, когда я расскажу о вашем решении!

Остальные тоже поднялись на ноги.

– Вы просто отвратительный маньяк, Пратт, – громко сказал Дэниел Каллен и повернулся к выходу. – Беннет, Дарт, пошли. Мне нужно успеть на поезд.

Он вышел. Беннет и Дарт послушно последовали за ним. После некоторого молчания морщины на лбу Пратта разгладились, и он взглянул на Макмиллана.

– Знаете, Макмиллан, – сказал он, – мне не нравится этот Беннет, и то, что он говорил, тоже не нравится. Он способен даже пробраться на пастбище, а я не слишком полагаюсь на человека, охраняющего быка.

Я понимаю, конечно, что за мои сорок пять тысяч долларов вы мне больше ничем не обязаны, но если вы не возражаете...

– Конечно, – Макмиллан встал, неуклюжий и долговязый. – Пойду взгляну. Я и так собирался это сделать.

– Вы сможете побыть там?

– Конечно.

Скотовод ушел.

Мы остались сидеть. Племянник с племянницей казались встревоженными, Лили Роуэн зевала, а Пратт хмурился. Ниро Вульф подавил вздох и допил пиво.

– Одно беспокойство, – пробормотал Пратт.

Вульф кивнул.

– Подумать только, из-за какого-то быка. Ведь не хотите же вы зажарить его и съесть!

Пратт кивнул.

– Именно так я и собираюсь поступить. В этом-то все и дело.

Глава 3

Так вот где собака зарыта! Молодежь и глазом не моргнула, но я вытаращился на нашего хозяина в немом изумлении. И по тому, как дернулась голова Ниро Вульфа, я понял, что и он по-настоящему удивлен. Он выдал свое удивление еще и тем, что повторил свой вопрос, а такое случалось с ним крайне редко.

– Вы хотите съесть этого быка, мистер Пратт?

Пратт снова кивнул.

– Да. Может быть, вы заметили яму, которую роют в роще? Там быка изжарят на вертеле. Пир состоится через три дня, в четверг. Племянница с племянником и мисс Роуэн приехали сюда специально для этого. Я пригласил около сотни гостей, в основном из Нью-Йорка. Быка забьют завтра. Пришлось вызвать мясника из Олбани, так как местные ни за что бы на это не пошли.

– Потрясающе! – Вульф по-прежнему держал голову высоко поднятой. – Значит, каждая порция обойдется вам примерно в четыреста пятьдесят долларов?

– Если так рассуждать, это и впрямь выглядит ужасно. – Пратт потянулся за бокалом, увидел, что он пуст, и кликнул Берта. – Но подумайте, что можно получить за сорок пять тысяч, если потратить их на газетную рекламу? Для радио такие деньги – вообще ничто. А из этого быка на вертеле я извлеку максимум выгоды. Вы разбираетесь в психологии?

– Я? – Вульф кашлянул и твердо ответил: – Нет.

– А следовало бы. Вот послушайте. Представляете, какой поднимется бум, когда станет известно, что знаменитого быка, чемпиона породы, забили и подали в виде бифштексов сборищу эпикурейцев? И кто это сделал? Том Пратт, владелец знаменитых праттерий! В течение многих месяцев посетители праттерий, поедая ростбифа будут подсознательно чувствовать, что пережевывают кусочек Гикори Цезаря Гриндена! Вот что я имел в виду, говоря о психологии.

– Вы упомянули про эпикурейцев...

– Я пригласил по большей части влиятельных друзей, ну и, конечно, прессу. Но будут и несколько эпикурейцев. – Пратт неожиданно вскочил на ноги. – Кстати, вы ведь тоже ценитель изысканной пищи. Как долго вы пробудете в Кроуфилде? Может быть, составите нам компанию? В четверг, в час дня.

– Благодарю вас. Я не уверен, что чемпионские качества Цезаря распространяются и на вкус, но это звучит весьма заманчиво.

– Еще бы! Сегодня вечером я собираюсь звонить в свое нью-йоркское агентство. Могу я сказать, что вы будете у нас? Для прессы.

– Конечно. Присуждение премий орхидеям состоится в среду днем, возможно, что после этого я уеду. Но сказать вы можете. Простите, а вы не испытываете угрызений совести от того, что умерщвляете быка таких благородных кровей?

– С какой стати? Они ссылаются на то, что у Цезаря было большое чистокровное потомство. В нашей стране около сорока тысяч племенных коров гернсейской породы, и только пятьдесят одна из них от Цезаря. А если послушать эту банду из Кроуфилда, то можно подумать, что я намереваюсь вырезать все поголовье гернсейского скота. Я уже получил около сорока телеграмм, в которых мне угрожают расправой. Это все Беннет! Он натравливает на меня скотоводов.

– Видимо, это весьма важно для них.

– Конечно, но и я могу сказать то же самое. Хотите еще выпить, мистер Гудвин? А вы, мисс Роуэн? Эй, Берт! Берт!

Грязнолицый, надо отдать ему справедливость, исполнял свои обязанности довольно проворно. Три коктейля превышали мою обычную норму, но после столкновения с деревом и корриды на пастбище я подумал, что лишний бокал мне не повредит. Разговоры о чемпионке-быке мне наскучили, я придвинулся к чемпионке-племяннице и принялся завоевывать ее расположение. Уголкем глаза я заметил, что блондинка искоса поглядывает на меня, и, улучив момент, улыбнулся ей. Я мог бы действовать и поактивнее, но впереди меня ожидали отнюдь не розовые перспективы. Мне предстояло до наступления сумерек доставить Вульфа, багаж и орхидеи в Кроуфилд, в номер гостиницы, распаковать вещи, обеспечить Вульфа едой, которую он мог бы проглотить, не подавившись, выслушать назидание за мое неумение водить машину и рекомендацию не наезжать на встречные деревья, согласиться со всем этим и, возможно, еще час-другой сидеть и прислушиваться к его вздохам. Я уже раскрыл рот, чтобы напомнить племяннице, что пора везти нас в Кроуфилд, как вдруг услышал, что Пратт пригласил моего шефа остаться на ужин и Вульф дал согласие. Я злобно посмотрел на него, надеясь, что еда окажется отвратительной, так как знал, что если мы прибудем в Кроуфилд после наступления темноты, устроиться в гостинице будет затруднительно, и тогда никаких человеческих сил не хватит, чтобы сладить с Вульфом. Он заметил мой взгляд и закрыл глаза, я же притворился, что не замечаю его, и сосредоточил все внимание на племяннице. Она была довольно милая и сообразительная особа, но слишком сильная, на мой взгляд. По-моему, девушка должна быть девушкой, а спортсменка – спортсменкой, хотя, конечно, возможны и промежуточные варианты.

В ответ на приглашение Каролины я сказал, что с удовольствием составил бы ей компанию в теннис, если бы не повредил руку и колено во время упражнений на заборе, что, впрочем, было неправдой. В этот момент у входа на террасу появилась еще одна группа людей во главе с исключительно симпатичной особой лет двадцати двух, в полосатом костюмчике с пояском, с непокрытой головой, желтовато-коричневыми глазами и мягким чувственным ртом. За ней шел высокий стройный молодой человек не намного моложе меня, в коричневых брюках и пуловере. Замыкал шествие некий тип, которому следовало бы находиться в другом месте, а именно – на территории, ограниченной Сорок второй улицей с юга, Девяносто шестой – с севера, Лексингтон-авеню и Бродвеем – с востока и запада. Там такие типы смотрятся, но в этой провинции их роскошные костюмы, модные рубашки и кричащие галстуки просто режут глаз.

Их появление вызвало довольно неожиданный эффект. У нашего хозяина удивленно отвисла челюсть. Джимми покраснел и встал. Каролина что-то пробормотала. Лили Роуэн нахмурила брови. Подойдя к столу, уставленному пустыми бокалами, девушка обвела присутствующих взглядом и сказала:

– Нам, наверное, следовало предварительно позвонить?

Ее успокоили. Раздались приветствия. Субъект в модном костюме был здесь впервые – его пришлось представлять. Его фамилия была Бронсон. Девушку звали Нэнси Осгуд, а стройный оказался ее братом Клайдом. В очередной раз кликнули Берта. Мисс Осгуд принялась уверять, что они не хотели нам мешать, что они заскочили на минутку по пути с ярмарки, разве только на одну минутку... Клайд Осгуд, на шее которого болтался бинокль, ироническим тоном обратился к Пратту:

– Монт Макмиллан прогнал нас с пастбища: мы хотели взглянуть на вашего быка.

Пратт с безучастным видом кивнул, но я заметил, что жилы на его висках вздулись.

– Чертов Цезарь доставляет массу хлопот. – Он посмотрел на Нэнси Осгуд, потом перевел взгляд на ее брата. – Молодцы, что решили навестить нас. Приятный сюрприз. Я видел сегодня вашего отца в Кроуфилде.

– Да, он говорил мне.

Клайд замолчал, затем сделал несколько шагов и остановился прямо перед сидящей в кресле-качалке Лили Роуэн.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Прекрасно. – Она запрокинула голову назад, чтобы лучше его видеть. – А у тебя все в порядке?

– Да, вполне.

– Очень рада. – Лили зевнула.

Этот диалог, видимо, как-то повлиял на Джимми Пратта. Он еще больше зарделся, хотя смотрел все время на Нэнси Осгуд, которая беседовала с Каролиной. Каролина настаивала, что гости обязательно должны остаться и выпить что-нибудь. Мистер Бронсон присел, напустив на себя усталый вид. Клайд внезапно повернулся спиной к Лили и подошел к Пратту.

– Можно вас на минутку?

– Да, мой мальчик?

– Мы зашли с сестрой, чтобы повидать вас.

– Что ж, очень приятно. Теперь, когда я выстроил этот дом, мы ведь снова соседи, не так ли?

Клайд нахмурился.

– Соседи? – переспросил он. – Да, пожалуй. Формально, во всяком случае. Я хотел поговорить с вами насчет быка. Я знаю, зачем вам понадобилось все это... Вы просто хотите унижить моего отца. Отстань от меня, Нэнси, я знаю, что делаю.

Сестра вцепилась ему в плечо.

– Клайд, нельзя же так...

– Оставь меня в покое! – Он стряхнул ее руку. – Вы хотите сделать из отца посмешище, зарезав быка, которому любой отцовский и в подметки не годится. В одном могу вас поздравить – вы выбрали лучшего быка для этой цели. Гикори Цезарь Гринден... Представляю, какая будет сенсация. Я это говорю, потому что немного разбираюсь в скоте. Во всяком случае, когда-то разбирался. Когда Цезарь еще никому не был известен, я хотел, чтобы отец его купил. И вы думаете, что вам удастся прикончить его?

– Конечно. Только с чего ты взял, будто я хочу обидеть твоего отца? Чушь какая-то... Я это делаю исключительно для рекламы.

– Черта с два! Я вас раскусил. Вы ведете нечестную игру против моего отца. Отстань, сестра!

– Ты ошибаешься, мой мальчик, – терпеливо произнес Пратт. – Я на это неспособен. Послушай, что я тебе скажу. Насколько мне известно, лучший бык твоего отца уже довольно стар. Так вот, если бы твой отец пришел ко мне, когда я купил Цезаря, я бы просто подарил ему быка. Ей-богу, подарил бы.

– Так я вам и поверил! – Клайд кипел от негодования. – Сегодня весь Кроуфилд только об этом и говорит. Конечно, мой отец как член Гернсейской лиги тоже в курсе дела. Он предвидел, что у Беннета и Каллена ничего не выйдет. Зная вас с детства, он был уверен, что вы от своего не отступитесь. Моей сестре взбрело в голову приехать сюда и попытаться вас уговорить, и я согласился. По дороге мы встретили Беннета, Каллена и Дарта. Они рассказали нам, что здесь произошло. Тем не менее мы приехали, хотя я не могу понять, зачем. А теперь я хочу заключить с вами пари. Вы когда-нибудь заключаете пари?

– Ну, вообще-то я этим не увлекаюсь, – пожал плечами Пратт, – но иногда не против дружеского пари.

– Что вы скажете насчет дружеского пари со мной? Скажем, на десять тысяч долларов?

– По какому поводу?

– Бьюсь об заклад на десять тысяч долларов, что вам не удастся зарезать Гикори Цезаря Гриндена.

– Клайд! – воскликнула Нэнси. Вульф прикрыл глаза. Послышались оживленные возгласы, даже Лили Роуэн казалась заинтересованной.

– А что может мне помешать? – спокойно спросил Пратт.

Клайд поднял обе руки ладонями вверх.

– Принимаете пари или нет?

– Десять тысяч долларов, что я не зарежу Гикори Цезаря Гриндена?

– Да.

– За какой срок?

– Скажем, в течение недели.

– Хочу предупредить, что я советовался с юристом. Нет такого закона, который мог бы воспрепятствовать мне это сделать, каким бы чемпионом породы Цезарь ни был.

Клайд молча пожал плечами. На его лице было выражение, которое я частенько наблюдал у игроков в покер.

– Что ж... – Пратт скрестил руки на груди. – Это становится интересным. Ну, тогда по рукам. Подпишем чеки?

Клайд вспыхнул.

– Банк не оплатит мой чек. Вы это прекрасно знаете. Но если я проиграю, я заплачу...

– Ты предлагаешь джентльменское пари? Мне?

– Можете это так называть. Джентльменское пари.

– Мой мальчик, я очень польщен твоим доверием, но я не могу согласиться на такие условия, когда речь идет о десяти тысячах долларов. Боюсь, что не стану заключать пари, пока не узнаю, насколько ты платежеспособен.

Клайд рванулся из своего кресла. Мои ноги мгновенно подобрались для прыжка, но Нэнси Осгуд удержала брата. Она попыталась увести его, лопоча что-то насчет того, что им нужно спешить, но он вырвался, оттолкнул ее и свирепо уставился на Пратта, стиснув зубы.

– Как вы смеете сомневаться в слове Осгуда? Ладно, в таком случае я выиграю у вас эту сумму, раз деньги для вас самое главное! Будет ли достаточно, если мой отец позвонит вам и подтвердит мою платежеспособность?

– Так ты действительно хочешь держать пари?

– На десять тысяч долларов? В присутствии этих свидетелей?

– Ладно, согласен. Если отец даст гарантию, тогда по рукам.

Клайд повернулся и вышел, ни с кем не попрощавшись. Бронсон отставил свой бокал и последовал за приятелем. Нэнси, хоть и была очень встревожена, задержалась, чтобы немного сгладить впечатление от невоспитанности своих спутников.

– Тут пахнет чем-то скверным, – задумчиво произнесла Лили Роуэн. Она мне указала на место рядом с собой, где сидел раньше Джимми Пратт. – Сядьте сюда, Эскамильо, и поведайте мне, что произойдет дальше.

Я встал, со свойственной мне грацией подошел к ней, сел, завладел ее левой рукой и внимательно уставился на ладонь.

– Дело будет так, – начал я. – Вы будете счастливы, но однажды, путешествуя под водой, натолкнетесь на лысого мужчину, сидящего среди водорослей. Вы подумаете, что это водяной царь, но он заговорит с вами по-русски. Вам покажется, что вы поняли, о чем он говорит, но через некоторое время вы, к своему великому ужасу, поймете, что ошиблись. Дайте-ка мне другую руку для сравнения.

Тем временем Джимми Пратт страстно убеждал в чем-то своего дядю:

– Вы позволили ему разговаривать с вами в таком тоне?! Мне хотелось ударить его! И я бы его ударил...

– Ладно, Джимми, – примирительно поговорил Пратт. – Ты бы не посмел поднять руку на Осгуда. Успокойся, мой мальчик. Кстати, если ты так агрессивен настроен, не согла-

сишься ли помочь нам постеречь быка? Боюсь, что нам придется не спускать с него глаз этой ночью.

– Вообще-то, дядя... – замялся Джимми. – Дело в том... Я уже говорил, что не одобряю этого. Такой бык... Как-никак чемпион...

– Значит, ты не хочешь там подежурить?

– Я бы не хотел в этом участвовать, дядя Том.

– Ну, ладно. Надеюсь, что мы и сами справимся. Как вы считаете, мистер Вульф, имею я право съест собственного быка?

Вульф пустился в пространные философские рассуждения о писаных и неписаных законах, духовной ответственности и бычьей генеалогии. Он говорил возвышенно и страстно, и всем присутствующим начало казаться странным, что некоторое время назад они могли волноваться из-за таких пустяков, как ссора Пратта с Осгудом, или какие-то бифштексы из Цезаря, или пари на десять тысяч долларов. Закончив свой монолог, Вульф обратился ко мне с предложением: поскольку мы приняли любезное приглашение мистера Пратта отужинать с ним, нам не мешало бы переодеться, для чего следовало достать из машины багаж. Джимми предложил было свои услуги, но Каролина сказала, что это должна сделать она, так как ей предстояло отвезти нас в Кроуфилд. Я последовал за ней к машине. Увидев поодаль, под деревьями, кучу земли, на которой лежали кирки и лопаты, я остановился. Я заметил ее еще тогда, когда нас везли к дому, но не знал, для чего она предназначена.

– Там яма, где будут жарить быка? – осведомился я.

Каролина кивнула.

– Ужасно, конечно, но я не могу придумать подходящей отговорки, чтобы отказаться от дядиногo приглашения участвовать в этом пиршестве. Залезайте в машину.

Когда мы выехали на дорогу, я спросил:

– Не мое это дело, но зачем все это понадобилось – для рекламы или чтобы утереть нос Осгуду-старшему?

– Не знаю... Мне надо подумать.

Я замолчал. Минуту спустя мы достигли места аварии. Каролина развернула свою машину перед останками нашей. Я выбрался наружу.

Деревья и телеграфные столбы, озаренные последними лучами заходящего солнца, отбрасывали длинные тени на зеленый ковер пастбища. На другом конце пастбища я увидел Монта Макмиллана, который внимательно смотрел в нашу сторону. Возле валуна величественной поступью прогуливался бык, выглядевший еще крупнее, чем прежде. Теперь, когда мне не грозила опасность, Цезарь казался красавцем.

Перетащив два чемодана, два саквояжа, опрыскиватель и корзины с цветами, я снова запер машину, в последний раз взглянул на быка, которого скоро должны были зажарить и подать на стол порциями по 450 долларов каждая, и занял свое место рядом с мисс Пратт. Я по-прежнему молчал, ожидая, пока она заговорит, и, наконец, дождался.

– Я хочу сказать вам, о чем я думала.

Я вежливо кивнул.

– Я думала о Лили Роуэн.

– Она зовет меня Эскамильо. Рассказала, что вы собираетесь завтра на ярмарку, и предложила мне пообедать с ней.

– И что вы ответили?

– Сказал, что не могу, так как не умею вести себя за столом. А на самом деле я просто не люблю кормить других за свой счет.

Каролина фыркнула.

– Она не собиралась кормиться за ваш счет. Она бы сама заплатила. Лили очень богата. Но она – вампир. Она очень опасна.

– Вы имеете в виду именно то, что она впивается людям в горло и пьет их кровь?

– Я имею в виду именно то, что сказала. Раньше разговоры об опасных женщинах я считала романтическими бреднями. Но Лили Роуэн действительно опасная женщина. Если бы не ее лень, я затрудняюсь даже сказать, скольких мужчин она могла бы погубить. Я знаю троих, которых она свела с ума. Вы видели Клайда Осгуда. Он, конечно, не Адонис, но по-своему довольно красив. Ему двадцать шесть лет, как и мне. Многие поколения Осгудов владели этой землей, да и сейчас у них несколько тысяч акров. После окончания колледжа Клайд обосновался здесь и вел дела своего отца, который занимался политикой. Говорят, Клайд неплохо справлялся. Но два года назад он познакомился в Нью-Йорке с Лили Роуэн, и она вскружила ему голову. Она не впила ему в горло, а просто проглотила его со всеми потрохами. А прошлой весной выплюнула. Это звучит не слишком красиво, но разве можно красиво описать поведение жабы? Клайд с тех пор не возвращался сюда. Он слонялся по Нью-Йорку, пытаясь увидеть ее или заставить себя не искать с ней встреч. Не знаю, зачем он оказался здесь. Возможно, узнал, что она приехала.

– Вы думали об этом? – спросил я.

– Нет, это только ключ к пониманию остального. – Она оценивающе посмотрела на меня. – Вы ведь детектив?

– Да, это моя работа.

– И вы... можете хранить тайну?

– Конечно, если это тайна.

– Так вот, Лили Роуэн пытается завлечь моего брата.

– Ну и что? – я удивленно приподнял брови.

– Я не хочу, чтобы она его окрутила. Он пока еще не поддается, но... Я надеялась, что у него хватит здравого смысла, однако, видимо, ошиблась. К тому же я думала, что он влюблен в Нэнси Осгуд. А месяц назад Лили Роуэн начала завлекать его в свои сети. И Джимми... Даже Джимми наверняка не устоит перед ней. Черт бы ее побрал! И как это у нее получается?

– Не знаю. Но могу спросить.

– Я не шучу. Она же погубит его!

– Я и не воспринял это как шутку. Просто вы задали глупый вопрос. К тому же ее пребывание здесь... Зачем вы ее пригласили?

– Я думала, что если он увидит ее здесь, в провинции, то одумается. Но ошиблась...

Я поежился.

– Хотя я и хороший детектив, но расследовать здесь нечего. Это как раз один из тех случаев, которые мой шеф относит к категории семейных дел, и помочь тут можно, либо отправив вашего братца в Австралию за шнурками для ботинок, либо перерезав Лили горло.

– Это я могла бы и сама – перерезать ей горло. Но, быть может, есть другой выход. Про это я и думала. Она кое-что про вас сказала, пока вы были наверху. Это и натолкнуло меня на одну мысль...

– Что же она сказала?

– Не могу повторить.

– Что-нибудь личное?

– Весьма.

– А что именно?

– Говорю же, что не могу повторить. Но это и то, что она попросила вас пообедать с ней... Я думаю, вы смогли бы отвлечь ее от Джимми. Если, конечно, позволите ей играть активную роль, как она привыкла. Что-то в вас ее привлекло, я поняла это с того момента, как она назвала вас Эскамильо.

– Продолжайте.

– Это все. Разве только... Я не прошу вас об одолжении. Пусть это будет деловое соглашение. Пришлите мне счет, и я его оплачу. Только если он окажется слишком велик, мне придется выплачивать по частям.

– Понятно. Я притворюсь невинным сосунком, позволю ей погубить меня и затем пришлю вам счет.

– Уверю вас, это не шутка. Все, что угодно, но только не шутка. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

Выпятив губу, я испытующе посмотрел на нее.

– Послушайте, я все-таки считаю, что это шутка. Допустим даже, что она действительно погубит его. Мне кажется, если он попадет в ад, то непременно оттуда выберется. Ни один мужчина еще не оказывался в аду из-за женщины, если он сам того не желал. Вы хотите меня нанять, чтобы избавить вашего брата от Лили. Но я не могу взяться за самостоятельное дело, ведь я нахожусь на жалованьи у Ниро Вульфа. Учитывая ваше беспокойство, я готов пойти вам навстречу: я пообедаю с ней завтра при условии, что вы оплатите счет. Вам это обойдется доллара в два, а я обязуюсь рассказать все в мельчайших подробностях.

– И все-таки это не шутка, – отрывисто бросила она. – Два доллара вы получите, когда мы вернемся домой. – И она повернула ключ зажигания.

Конечно, не мешало бы отдохнуть часок перед ужином, но я, по-видимому, не заслужил такого счастья. Выгрузив корзины с орхидеями, я перенес их в ванную, затем втащил наверх чемоданы и, наконец, сходил за саквояжами.

Войдя в комнату и услышав доносившийся из ванной шум, я поставил саквояжи на пол и отправился выяснять, в чем дело. Оказалось, Вульф, подняв крышки корзин, смотрит, не требуют ли цветы немедленной поливки. Я сказал, что, на мой взгляд, они выглядят превосходно, с чем Вульф согласился. Затем я высказал еще одно соображение: поскольку наши рубашки и галстуки, наряду с прочими принадлежностями, находятся в чемоданах, саквояжи распаковывать ни к чему, хотя я их и принес.

Не удостоив меня взглядом он проронил:

– По-моему, лучше распаковать все вещи.

– Все? – изумился я.

– Да.

– Вы хотите сказать, чтобы я все вынул?

– Да.

– Чтобы после ужина запихнуть все обратно?

– Нет. Мы остаемся ночевать здесь.

Я хотел было отпустить по этому поводу язвительное замечание, так как, будучи натурой методичной, люблю, чтобы все шло по плану, но сообразил, что остаться здесь нам выгоднее, чем в Кроуфилде, который кишит охотниками завладеть нашим номером в гостинице. С другой стороны, я признавал, насколько неправильно было бы потакать самолюбию Вульфа, соглашаясь с ним, и поэтому молча вернулся в спальню и начал колдовать над чемоданами. Вскоре Вульф пришел в комнату, снял пиджак и жилет, бросил их на одну из кроватей и принялся расстегивать рубашку.

– Как вам удалось добиться, чтобы мистер Пратт пригласил вас? Использовали свое обаяние? – вкрадчиво спросил я.

– Я его не вынуждал. К тому же мы не гости. Мистер Пратт был очень рад принять мое предложение.

– О! – Я круто повернулся к нему, держа в руках охапку носков и носовых платков. – Ваше предложение?

– Да. Буду с тобой до конца откровенен, Арчи. Ведь я мог бы сказать, что предложение исходило от меня. Учитывая его затруднительное положение, вполне естественно было

отплатить ему за гостеприимство. Он сразу же согласился и предложил условия работы, которые показались мне подходящими.

– Понимаю, – сказал я, по-прежнему не выпуская из рук предметы одежды Вульфа. – Что же это за работа, хотелось бы мне знать?

– Не слишком прибыльная, но и не трудная – вести наблюдение.

– Так я и думал. – Открыв ящик комода, я сунул туда носки и платки. Я стоял и наблюдал, как Вульф вылезает из рубашки, которая протестующе трещит по всем швам. – Я заподозрил это в то мгновение, когда вы велели распаковать чемоданы. Что ж, хоть какое-то разнообразие. Патрулировать пастбище. Быть телохранителем быка. Что ж, вы прекрасно выпитесь сегодня, ведь вам ни с кем не придется делить эту чудесную комнату.

– Не дерзи, Арчи, конечно, это будет скучно для такого непоседливого человека, как ты...

– Скучно? – Я замахал рукой. – Что вы! Скучать одному в ночи, поверяя свои тайны звездам? Вы меня плохо знаете. Я буду задыхаться от счастья, сознавая, что мое бдение позволит наслаждаться сном в этой прекрасной постели... И еще рассвет! Мистер Вульф, я обожаю встречать рассветы!

– Ты не увидишь рассвета.

– Черта с два! Разве что меня пристрелит Клайд. Или бык подцепит на рога.

– Ни то, ни другое. Я уже обо всем договорился с мистером Праттом и мистером Макмилланом. Тот человек, по имени Дейв, будет сторожить, пока мы ужинаем. В восемь тридцать ты его сменишь, а в час тебя сменит мистер Макмиллан. Ты и дома часто ложишься в такое время. Только будь потише, когда придешь. Я не привык, чтобы меня будили.

– Ладно. – Я снова полез в чемодан и достал Вульфу свежую рубашку. – Но будь я проклят, если потерплю рядом с собой дробовик этого Дейва. Я улажу это с Макмилланом. Кстати, я тоже подрядился на одну работенку. Не очень прибыльную. Я получу два доллара в качестве гонорара, но их поглотят расходы. Клиент – мисс Каролина Пратт.

– Не дури, – пробормотал Вульф.

– Истинная правда. Она заплатила мне два доллара, чтобы я спас ее брата от участи, что страшнее смерти. До чего все-таки здорово быть детективом! Половину ночи нянчить быка, чтобы на следующий день пасть жертвой блондинки. Гляньте, здесь оторвана пуговица – придется послать телеграмму Фрицу.

Глава 4

Поверить звездам свои тайны мне не удалось. Еще до захода солнца начали сгущаться тучи, и к половине девятого наступила крошечная тьма. Вооружившись фонариком и основательно набив желудок вкусной пищей, – конечно, не такой, как у Фрица Бреннера, но во много раз вкусней той, что подают в праттериях, – я покинул общество, когда все еще потягивали кофе, и отправился на дежурство. Миновав огород, я заметил Дейва. Он сидел на перевернутом бочонке и судорожно сжимал в руках дробовик.

– Все в порядке, – объявил я, выключая фонарик, чтобы не расходовать батарейки. – Ты, должно быть, уже предвкушаешь ужин?

– Нет, – ответил он. – Я не ем так поздно. Я поел мяса с картошкой в шесть часов. Зато я плотно завтракаю.

– Очень интересно. А где бык?

– Последние полчаса я его не видел. Но он был вон там, за большим деревом. И почему они не хотят его привязать, ума не приложу.

– Пратт объяснил, что в первую ночь быка привязали, но он так ревел, что не давал никому спать.

Дейв хмыкнул.

– Ну и пусть бы себе ревел.

Решив поискать быка, – это все же лучше, чем торчать на одном месте, – я пошел вдоль забора к воротам, через которые мы въехали, когда спасали Вульфа. Да, ночь и впрямь выдалась темная. Пройдя ярдов тридцать, я посветил на пастбище, но быка не было видно.

Пройдя мимо ворот, я, наконец, увидел его. Он не лежал на траве, как ему, по моему мнению, полагалось, а стоял, уставившись на луч фонарика. Он был огромный, как слон. Я крикнул ему: «Все в порядке, дружище, это я, Арчи, не волнуйся!» – и с этими словами повернулся и отправился обратно.

Я считал, что скорее Цезарь начнет давать молоко, чем его похитят. Тем не менее, раз уж мне выпало дежурить до часа ночи, я решил проявлять бдительность на случай, если какой-нибудь болван все-таки решится сюда сунуться. Украсть быка можно было только через ворота, а для этой цели лучше подходили боковые. Туда я и побрел, придерживаясь рукой забора. Конечно, куда проще было бы пройти напрямик через пастбище. В такой темноте Цезарю вряд ли снова захочется поиграть со мной в пятнашки, но все же...

За огородом, ярдах в двухстах, виднелись освещенные окна дома.

Дойдя до угла забора, я повернул налево и не успел глазом моргнуть, как очутился в зарослях шиповника. Десять минут спустя я уже проходил мимо нашей машины, по-прежнему уютно уткнувшейся в дерево.

Вот, наконец, и ворота. Я оседлал забор и посветил на пастбище, но свет фонарика не достал до быка. И я его выключил.

Если долго живешь в деревне, то знаешь все ночные звуки. Мне же все было внове – каждый звук вызывал естественное любопытство.

Сверчки и кузнечики в счет не идут, но когда что-то шуршит в траве, интересно узнать, что это такое. Что-то зашуршало на дереве, за дорогой. Зашумела листва, затем все замерло и вновь зашумело. «Может быть, сова – решил я, – или какой-то безвредный зверек. Фонарик все равно не достанет».

Так я просидел с полчаса, когда услышал другой звук, на этот раз со стороны машины. Как будто ударилось что-то тяжелое. Я посветил фонариком, сначала ничего не увидел, но потом разглядел за машиной что-то белое. Я хотел было крикнуть, но сдержался, погасил фонарик, спрыгнул с забора и отскочил в сторону. Могло статься, что Гернсейская лига подо-

слала парочку отчаянных парней или сам Клайд Осгуд оказался отчаянным. Я осторожно приблизился к машине, обошел ее сзади и ухватился за чье-то плечо.

Владелец плеча взвизгнул, дернулся и возмущенно вскрикнул:

– Эй! Больно ведь!

Я включил фонарик, разжал пальцы и отступил.

– Ради Бога, – сердито сказал я, – только не говорите мне, что вас обуревают нежные чувства к Цезарю.

Закутанная в темный платок поверх светлого платья, в котором она была за ужином, Лили Роуэн встала, потирая плечо.

– Если бы я не натолкнулась на крыло вашей машины, – заявила она, – вы бы и не догадались, что я здесь, и я бы вас напугала до смерти.

– Замечательно. А зачем?

– Черт побери, вы мне вывихнули плечо.

– Я вообще зверь. Как вы сюда попали?

– Пешком. Вышла прогуляться. Я не ожидала, что так темно, думала, что глаза привыкнут. У меня зрение как у кошки, но такого мрака я не припомню. Это ваше лицо? Стойте спокойно.

Она дотронулась до моей щеки. Сперва я решил, что она царапнет, но прикосновение оказалось нежным. Когда же я почувствовал, что ее пальцы начинают ласкать мое лицо, я отшатнулся:

– Не надо! Я боюсь щекотки.

Она расхохоталась.

– Я хотела удостовериться, что это ваше лицо. Вы будете завтра обедать со мной?

– Да.

– В самом деле? – В ее голосе звучало удивление.

– Конечно. Точнее, вы можете пообедать со мной. Вы мне представляетесь довольной занятой особой. Почему бы не потратить на вас немного времени, как на игрушку, которую можно выкинуть, когда натешишься? Больше ни для чего женщины мне не нужны, потому что все мои помыслы сосредоточены на собственной карьере. Моя мечта – стать полисменом.

– Боже! Значит, мы еще должны быть вам благодарны за то, что вы уделяете нам хоть какое-то внимание? Давайте посидим немного в машине.

– Она заперта, а ключа у меня нет. К тому же сидя я мог бы заснуть, а это мне не полагается – я охраняю быка. Поэтому вам лучше уйти. Я обещал держать ухо востро.

– Чушь! – Обогнув машину, она села. – Идите сюда и дайте мне сигарету. Клайд Осгуд потерял голову и поэтому свалил дурака. Что может случиться с быком, если здесь всего двое ворот, из которых одни находятся возле дома, а вторые охраняете вы? К тому же сейчас вы ничем не можете способствовать своей карьере. Идите же сюда и поиграйте с одной из ваших игрушек.

Я посветил в направлении ворот, выключил фонарик и подсел к ней.

– Не так близко, – произнесла она совершенно другим тоном. – Я боюсь щекотки.

– Во всем этом был, конечно, элемент неожиданности, – сказал я, доставая сигареты, – но должен предупредить, что такие выходки меня раздражают, а ничего нового для меня вы не придумаете. К тому же вы немного не рассчитали. Такая игра в кошки-мышки оправдана только тогда, когда вы уверены, что рыбка уже клюнула, а вам еще далеко...

Я прервал свои рассуждения, потому что она вскочила и зашагала прочь.

– Обед отменяется, – крикнул я вдогонку, – а что-то другое вы вряд ли сможете предложить.

Она вернулась, уселась в футах от меня и провела кончиками пальцев по моему рукаву.

– Дайте мне сигарету, Эскамильо.

Я чиркнул спичкой, и она прикурила.

– Спасибо. Ну что ж, давайте знакомиться? Расскажите мне о себе.

– Что именно?

– Ну... расскажите о своей первой женщине.

– С удовольствием. Я плыл вверх по Амазонке на каноэ. Я был один, так как всю провизию шутки ради скормил крокодилам, а нанятые мной туземцы сбежали в джунгли. В течение двух месяцев я питался только рыбой, но однажды огромный тарпон оборвал мою снасть, и я оказался без средств к существованию. Я умирал от голода, но упорно двигался вверх по реке, пока на пятый день не наткнулся на маленький островок. На берегу его стояла женщина восьми футов ростом. Это была амазонка. Я причалил к берегу, она подхватила меня на руки и отнесла в свою хижину, уверяя, что мне не доставит только женской ласки.

Ничего съедобного на острове не оказалось. Поэтому я избрал единственный выход и к заходу солнца уже варил амазонку в огромном котле, куда она обычно выжимала масло из лимонов. Она оказалась потрясающе вкусной. Насколько я помню, это и была моя первая женщина. Конечно, с тех пор...

Лили прервала меня и попросила рассказать о чем-нибудь другом.

Мы выкурили еще по сигарете, и, возможно, мое дежурство так и прошло бы, если бы с пастбища не донесся внезапный звук, похожий на глухой удар, едва слышный из-за стрекота сверчков и кузнечиков. Это меня не очень обеспокоило, но я вспомнил, что ближайшие ко мне ворота не единственные, и решил выяснить, в чем дело. Лили запротестовала, уверяя, что это нелепо, но все-таки пошла со мной.

Она уцепилась за мою руку, – по ее словам, чтобы не упасть. Я забыл о зарослях шиповника, и Лили запуталась в них, так что мне пришлось извлекать ее оттуда. Завернув за угол, мы очутились в огороде, рядом с домом, и я сказал, что теперь она может уйти, но она заявила, что ей нравится мое общество. Цезаря я так и не обнаружил. Видимо, он предпочитал другой конец пастбища. Мы приблизились ко вторым воротам, но быка по-прежнему нигде не было видно. Я остановился, прислушиваясь, и до меня донесся какой-то шорох, словно что-то волокли по земле. Я поспешил вперед, время от времени посвечивая на пастбище. Лили чуть приотстала. Признаться, шорох встревожил меня, поэтому я почувствовал огромное облегчение, когда увидел быка ярдах в десяти от забора. Потом мне показалось, что он стоит на голове, – во всяком случае, так это выглядело при тусклом свете фонарика. Я припустился трусцой. Когда я остановился в очередной раз и включил фонарик, то увидел, что бык катает что-то рогами по земле. И вдруг я разглядел такое, что мои пальцы, державшие фонарик, онемели. Позади я услышал испуганный возглас Лили, а затем ее хриплый шепот:

– Это... это... Господи, да отгоните же быка!

Мне подумалось, что он, может быть, еще жив, а тогда надо действовать быстро и самостоятельно. Я переложил фонарик в левую руку, достал пистолет и начал медленно приближаться к быку.

Опасаясь, что он кинется на свет, я вытянул в сторону руку с фонариком и светил быку прямо в морду. Бык не тронулся с места.

Когда я находился в десяти футах от него, он поднял голову и заморгал. Я несколько раз выстрелил в воздух. Бык взбрыкнул и ускакал прочь, сотрясая землю. Я мигом подбежал к тому, что лежало на земле, и посветил фонариком. Одного взгляда было достаточно.

«Черта с два он жив», – подумал я и принялся освещать пастбище, высматривая быка, но тут же понял, что это глупо, и вернулся к забору. Лили была на грани истерики. Она забрасывала меня вопросами.

– Это Клайд Осгуд, – ответил я. – Мертвый. Убирайтесь отсюда или замолчите, а то...
– Я услышал крики со стороны дома и что есть мочи завопил: – Сюда! Сюда!

Показались огоньки фонариков. Через минуту на месте происшествия было уже четверо: Пратт, Джимми, Каролина и Макмиллан. Мне не пришлось ничего объяснять. Фонари были у каждого, а остальное лежало перед глазами. Каролина, взглянув, отвернулась и больше не оборачивалась. Пратт привалился к забору, не в силах отвести взгляда. Джимми влез было на забор, но тут же спрыгнул назад.

– Вынесите его оттуда, – сдавленным голосом произнес Пратт. – Надо вынести его...
Где Берт? Куда подевался этот чертов Берт?

Макмиллан спросил:

– В кого вы стреляли? В Цезаря? Где он?

– Не знаю, – ответил я.

Появился Берт с сильным электрическим фонарем. Из темноты вынырнул Дейв с дробовиком в руках. Возвратившийся откуда-то Макмиллан сказал, что бык на другом конце пастбища и что его нужно привязать, но куда-то пропала веревка. Не видел ли ее кто-нибудь? Мы ответили, что не видели. Дейв вызвался принести веревку, и Макмиллан привязал быка. Я вдруг услышал свое имя и с изумлением увидел шефа.

– Где твой фонарик? – спросил он. – Дай его мне.

– Как вы попали сюда?

– Гулял, услышал выстрелы и встревожился, не случилось ли что с тобой. Когда я подходил, мистер Макмиллан, привязывавший быка, рассказал мне, что произошло, – вернее, что было обнаружено. Кстати, мне вновь придется тебя предупредить, чтобы ты сдерживал свои профессиональные инстинкты. Не хватало только оказаться замешанным в этом деле!

– При чем тут профессиональные инстинкты?

– О! У тебя шок. Когда он пройдет, постарайся сообразить.

Он протянул руку.

– Дай сюда фонарик.

Я отдал ему фонарик, и он пошел вдоль забора. Тут Макмиллан позвал меня на подмогу. Соскочив на непослушных ногах на пастбище, я заставил себя вернуться к месту происшествия. Дейв притащил брезент, и Джимми с Макмилланом растянули его на земле.

– Не надо его... Может быть, еще не поздно... Вы уверены, что он мертв? – произнес Пратт дрожащим голосом.

– У вас есть глаза? – спросил Макмиллан, расправляя брезент. – Посмотрите сами. Помогите, Гудвин. Положим его на брезент и возьмемся все вместе.

Мы понесли брезент, – все, кроме Дейва, который поспешил вперед, чтобы открыть ворота. Когда мы шли мимо привязанного быка, он повернул голову и проводил нас взглядом. За воротами мы опустили брезент, переменили руки и понесли дальше. Взойдя на террасу, мы остановились в нерешительности, но тут появилась Каролина и провела нас в комнату за гостиной, где она накрыла простынями стоявший в углу диван. Мы опустили тело на диван, но брезент открывать не стали. Потом мы стояли вокруг, не глядя друг на друга.

Нарушил молчание Дейв:

– Никогда не видел ничего подобного. Господи, никогда такого не видел...

– Замолчи, – приказал ему Пратт. Он выглядел совсем разбитым. – Надо позвонить...
Надо сообщить Осгудам. И доктору тоже. Обязательно надо вызвать доктора...

Джимми взял его под руку.

– Крепитесь, дядюшка. Вы не виноваты... Какого черта его понесло на пастбище? Выпейте чего-нибудь. Я сам позвоню.

Берт выскочил из комнаты, как только услышал слово «выпейте».

Каролина вновь исчезла. Остальные топтались на месте. Я оставил их и пошел наверх.

В нашей комнате Ниро Вульф, уютно устроившись в кресле, при свете настольной лампы читал одну из книг, которые мы захватили с собой. Узнав мою походку, он не поднял головы, когда я вошел, – прямо как у себя дома. Я прошел в ванную, вымыл холодной водой руки и лицо, вернулся в комнату и сел.

Вульф оторвался от чтения:

– Ты не собираешься спать? Тебе бы следовало лечь. Расслабься. Я скоро закончу. Уже одиннадцать часов.

– Знаю. Скоро явится доктор и захочет меня видеть. Я был главным очевидцем.

Вульф кашлянул и снова углубился в книгу. Задумавшись, я сидел на краешке стула. Не знаю, сколько это продолжалось, но когда Вульф снова заговорил, я обнаружил, что, уставившись в пол, скребу ладонь левой руки пальцами правой.

– Арчи, меня это раздражает.

– Привыкнете со временем, – грубо отозвался я.

Он дочитал до конца абзаца, закрыл книгу и вздохнул:

– Что, нервы не выдержали? Конечно, у тебя был шок, но ведь тебе и прежде доводилось с такими вещами сталкиваться.

– Нет, дело не в нервах. Продолжайте читать. Сейчас у меня просто паршивое настроение, но к утру все пройдет. Вы что-то говорили о профессиональных инстинктах. Есть же у меня профессиональная гордость – пусть немного, но есть. Должен был я следить за быком или нет? В этом ведь заключалась моя работа. А я сидел у дороги и покуривал, в то время как бык убивал человека.

– Ты охранял быка, а не человека. Бык цел и невредим.

– Благодарю покорно. Не было еще случая, чтобы вы дали мне важное поручение, а я с ним не справился. Если Арчи Гудвину поручили следить, чтобы на пастбище ничего не произошло, то ничего и не должно было произойти. А вы говорите, что бык цел и невредим и что он всего-навсего убил человека...

– Ты считаешь, что должен был это предотвратить?

– Да. Я был обязан не допустить этого.

– Когда, наконец, ты научишься точности? – вздохнул он. – Ты говоришь, будто я сказал тебе, что бык убил человека. Я этого не говорил. Если бы я так сказал, я бы погрешил против истины. Мистер Осгуд безусловно убит, но не быком.

Я вытаращился на него.

– Вы с ума сошли! Я видел это собственными глазами!

– Расскажи, что ты видел. Я не слышал от тебя никаких подробностей, но быюсь об заклад, что ты не видел, как бык подцепил живого Осгуда на рога. Не так ли?

– Не видел. Когда я туда добрался, он катал его по земле. Я не знал, жив ли он еще, поэтому перелез через забор и пошел к быку, и когда я был в десяти футах...

Вульф нахмурился:

– Ты подвергал себя ненужной опасности. Осгуд был уже мертв.

– Тогда я этого не знал. Я выстрелил в воздух, бык убежал, а я пошел посмотреть. Собственно, и вглядываться особенно не пришлось. А теперь у вас хватает хладнокровия утверждать, что бык его не убивал. Вы что, хотите состряпать из этого дело, потому что у нас сейчас затишье с работой?

– Нет. Я хочу, чтобы ты прекратил скрести себе ладонь и дал мне дочитать главу. Я же объясняю тебе, что смерть мистера Осгуда не была результатом твоей халатности. Это все равно произошло бы, где бы ты ни находился. Я могу назвать тысячу твоих недостатков, но сегодняшний промах к ним не относится. Это вообще не промах. Ты должен был следить за тем, чтобы быка не увели из загона. У тебя не было причин подозревать, что кто-нибудь попытается причинить быку вред – ведь задача противной стороны как раз и заключалась в

том, чтобы сохранить ему жизнь. Я надеюсь, что ты не будешь больше... – он умолк, услышав шаги к коридоре. Раздался стук в дверь, и вошел Берт.

– Вас просят спуститься вниз. Приехал мистер Осгуд.

Я ответил, что сейчас приду. Когда Берт вышел, Вульф сказал:

– Можешь ограничиться существом дела. То, что ты чесал ладонь, а я пытался это прекратить, касается только нас.

Я ответил, что думаю точно так же, и оставил его наедине с книгой.

Глава 5

Внизу у лестницы меня поджидал Пратт. Он стоял, засунув руки в карманы и крепко стиснув зубы. Молча кивнув, он проводил меня в гостиную. Там, кусая губы, сидел какой-то человек. Не успели мы войти, как он рявкнул:

– Это вы Гудвин?

На его лице так и было написано, что он из тех людей, кто обожает командовать. Я сдержался и спокойно ответил:

– Да. Арчи Гудвин.

– Это вы стреляли и отогнали быка?

– Да, доктор.

– Я не доктор! Я Фредерик Осгуд. Моего сына убили. Моего единственного сына.

– Извините, я подумал, что вы доктор.

– Доктор едет из Кроуфилда. Мистер Осгуд живет по соседству и приехал раньше, – сказал Пратт. Он стоял в сторонке и глядел на нас, по-прежнему держа руки в карманах.

– Расскажите, как все было. Я хочу знать, – потребовал Осгуд.

– Хорошо, сэр.

Я рассказал ему все вплоть до того момента, когда к месту действия подоспели другие. В конце я сказал, что остальные подробности он может узнать у мистера Пратта.

– Пратт вас не касается. Так вы говорите, что когда мой сын залез в загон, вас там не было.

– Именно так я и говорю.

– Вы нью-йоркский детектив?

– Частный, – кивнул я.

– Служите у Ниро Вульфа и приехали сюда вместе с ним?

– Совершенно верно. Мистер Вульф сейчас наверху.

– Чем вы тут с Вульфом занимаетесь?

Не меняя тона, я ответил:

– Если хотите получить по зубам, то лучше встаньте.

– Какого черта...

Я предостерегающе поднял руку.

– Полегче. Я знаю, что у вас только что погиб сын, и готов сделать на это скидку, но вы ведете себя нагло. И вообще, что с вами? Истерика?

Он закусил губу. Через мгновение он заговорил более сдержанно:

– Нет, не истерика. Я хочу решить, стоит ли вызывать шерифа и полицию. Я не могу понять, что случилось. Я не верю, что все произошло так, как вы говорите.

Я посмотрел ему в глаза.

– Очень жаль. Потому что мой рассказ может подтвердить свидетель, который все время находился рядом со мной. Одна... эээ... молодая особа.

– Где она? Как ее зовут?

– Лили Роуэн.

Он в изумлении уставился на меня, потом на Пратта и снова на меня. Он даже перестал кусать губы.

– Она здесь?

– Да. И вот что еще я могу вам рассказать: неподалеку отсюда с нашей машиной произошла авария, и мы с мистером Вульфом пришли в этот дом, чтобы позвонить по телефону. Мы никого здесь не знали, в том числе и Лили Роуэн. После ужина она отправилась прогуляться и наткнулась на меня. Она была со мной, когда я обнаружил быка и отогнал его.

Если вы вызовете полицию и полиция решит удостоить меня своим вниманием, то только зря потеряете время. Я вам рассказал все, что видел и делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.